

УДК 811.111; 811.161.1

РОЛЬ СТИЛИСТИЧЕСКОГО ДИССОНАНСА В ПЕРЕВОДЕ А. Ю. ФРОЛОВОЙ НА РУССКИЙ ЯЗЫК РОМАНА ДЖ. ОСТИН "SENSE AND SENSIBILITY". ЧАСТЬ 1

Татьяна В. Бобылева¹. @

¹ Новосибирский государственный университет, 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1
@tanvbob2018@gmail.com

Поступила в редакцию 14.03.2018. Принята к печати 03.05.2018.

Ключевые слова: английский язык, Джейн Остин, лексика, перевод, русский язык, стилистический диссонанс.

Аннотация: Актуальность изучения новых переводов классических произведений художественной литературы обусловлена возрастающим интересом в современном языкознании к феномену повторного перевода. Целью данного исследования является анализ целесообразности стилистического диссонанса в переводе романа Дж. Остин "Sense and Sensibility" на русский язык, выполненном А. Ю. Фроловой – «Разум и чувство» (2013). Под стилистическим диссонансом в данной работе понимается сочетание в тексте перевода различных стилей лексики: книжных (устаревших и др.) и разговорных лексем, анахронизмов и анахроничных выражений. Выявлены следующие категории проявлений стилистического диссонанса: 1) передача (или добавление) комических эффектов и иронии; 2) адаптация текста под предпочтения современной аудитории; 3) недочёты при переводе и редактировании. Последняя категория состоит из 3 подкатегорий и будет рассмотрена нами в следующей статье. Проведённый анализ является частью дальнейшего исследования, посвящённого изучению лингвистических особенностей переводов романа "Sense and Sensibility" на русский и французский языки.

Для цитирования: Бобылева Т. В. Роль стилистического диссонанса в переводе А. Ю. Фроловой на русский язык романа Дж. Остин "Sense and sensibility". Часть 1 // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2. С. 155–161. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-155-161>.

Введение

Целью нашего исследования в данной статье является анализ целесообразности стилистического диссонанса в переводе романа Дж. Остин "Sense and Sensibility" на русский язык, выполненном А. Ю. Фроловой – «Разум и чувство» (2013). (Прим. автора – во всех отрывках мы приводим авторскую пунктуацию предложений А. Ю. Фроловой без изменений). Ранее данный роман уже был переведён на русский язык представителем советской школы художественного перевода И. Г. Гуровой («Чувство и чувствительность», 1988).

Актуальность изучения повторных переводов

Актуальность изучения новых переводов классических произведений мировой художественной литературы обусловлена возрастающим интересом современных исследователей к феномену повторного перевода. Практика повторного перевода почти так же стара в мировой культуре, как и практика «первичного» перевода. (В качестве примера можно привести повторные переводы Священного Писания на многие языки мира в различные исторические периоды: Вульгата (лат. "Biblia Vulgata" – «Общепринятая Библия») Св. Иеронима, восходящая к IV–V вв. и созданная по заказу Папы Римского Дамасия I, была повторным переводом Библии на латинский язык после ее более старых переводов, известных как "Vetus Latina"). Однако разработкой теоретических положений о причи-

нах, сущности и характеристиках феномена повторного перевода наука занялась сравнительно недавно. Начиная с 2000-х гг. по настоящее время данная проблематика активно рассматривается целым рядом зарубежных исследователей – И. Гамбье (публикации И. Гамбье (1994, 2012) принадлежат к обеим «волнам» (1990-м и 2000/2010-м гг.) исследований в области повторного перевода), И. Колломба, А. Бриссе, Т. Маттосом, Э. Монти и др., а также становится предметом обсуждения на международных научных конференциях. Большинство исследователей дополняют или корректируют теоретические изыскания, изложенные в 1990 г. самым заметным из первооткрывателей данной проблематики А. Берманом в научной публикации "La retraduction comme espace de la traduction". Следует отметить, что весь 4-й номер (1990) французского научного издания Palimpsestes, в котором вышла публикация А. Бермана "La retraduction comme espace de la traduction", был посвящён тематике повторного перевода. В нём были представлены научные публикации А. Топиа, Л. Родригес, М. Грессе и некоторых других исследователей, занимавшихся данной проблематикой. При этом различные гипотезы о феномене повторного перевода часто иллюстрируются практическим изучением нескольких переводов одного и того же произведения на конкретный язык.

Именно актуальностью данного направления исследований обусловлен наш интерес к изучению лингвистических особенностей нового перевода романа

Дж. Остин "Sense and Sensibility" на русский язык, выполненный А. Ю. Фроловой.

Причины возникновения повторного перевода

Ниже мы попытаемся выявить причины создания перевода А. Ю. Фроловой, а именно почему появляется необходимость повторного перевода какого-либо произведения на определённый язык. Приведём список возможных причин, которые обобщил на основе современных исследований, а также собственной точки зрения Т. Маттос [1]:

1) непригодность предыдущих переводов, адаптировавших произведение под культуру языка перевода. Речь идёт о возвращении в новом переводе к стилю оригинала, чтобы выявить и показать его лингвистическую и стилистическую специфику;

2) необходимость перевести сам оригинал (в случае, если более ранние переводы создавались на основе переводов произведения на другие языки);

3) устаревание предыдущих переводов. Здесь необходимо учитывать, что со временем меняется и восприятие самого текста оригинала;

4) эволюция технологий и инструментов перевода. Современный переводчик имеет в своём распоряжении различные программы, базы данных, справочники, средства автоматической коррекции;

5) необходимость переосмыслить статус автора или его текста в культуре страны языка перевода;

6) неосведомлённость переводчика о существовании предыдущего перевода или отсутствие доступа к нему;

7) определённые издательские требования или коммерческие заказы;

8) наличие иного прочтения / толкования данного текста.

Отметим, что более ранний перевод романа Дж. Остин "Sense and Sensibility" на русский язык «Чувство и чувствительность» 1988 г., выполненный И. Г. Гуровой, также входит в рамки нашего (более широкого) исследования. В нём отразились традиции советской школы художественного перевода, считавшейся в своё время одной из лучших в мире. Начиная с 1950-х гг. одним из главных принципов советской школы художественного перевода (помимо идеологически обусловленной специфики) была техника «осваивающего», «одомашнивающего» перевода, лишаящего текст инородных элементов и рассчитанного на максимально широкую аудиторию [2]. Стиль советских переводов в большинстве случаев был очень «плавным» и не содержал неожиданных для читателя оборотов или лексических средств. Однако за последние десятилетия в российских переводческих традициях произошла смена парадигмы. Теперь «современного переводчика не ограничивают практически никакие рамки, он может использовать любые языковые средства, чтобы передать настроение и дух переводимого произведения» [3, с. 64]. Кроме того, в наше время переводчик нередко стремится создать современный, интересный и динамичный текст, который будет пользоваться успехом у широкой аудитории. При этом большая часть аудитории (особенно это касается молодёжи) привыкла к ярким и динамичным впечатле-

ниям, так как её вкусы (а иногда и жизненные ценности) часто формируются под влиянием современной медиакультуры. Потребности и запросы аудитории привлекают потенциальной коммерческой выгодой современные издательства, которые заказывают новые (адаптированные для современного читателя) переводы классических произведений мировой художественной литературы. Именно сменой парадигмы в традициях художественного перевода (от канонов советской школы к практически полной свободе выражения) и потребностью в потенциально окупаемых современных, ярких и динамичных текстах обусловлено, на наш взгляд, появление романа Дж. Остин "Sense and Sensibility" в переводе А. Ю. Фроловой.

Ещё одной важной причиной могло быть желание раскрыть на русском языке стиль оригинала. Согласно теории А. Бермана, повторный перевод может характеризоваться стремлением переводчика вернуться к стилю автора (и чертам иностранной культуры) потому, что самый первый перевод, как правило, адаптирует произведение под культуру страны языка перевода [1]. Более ранний перевод И. Г. Гуровой, принадлежащий к советской школе, можно рассматривать именно как образец «осваивающего» перевода, после которого мог возникнуть новый интерес к тексту оригинала.

Для художественных текстов (в отличие от нехудожественных, например исторических или научных работ) недавняя эволюция технологий, значительно увеличивающих (по сравнению с советским периодом) скорость работы переводчика, может послужить скорее вспомогательным фактором, а не одной из основных причин. Предположение о том, что А. Ю. Фролова могла не знать о существовании более раннего перевода, представляется нам маловероятным, так как А. Ю. Фролова заимствовала ряд формулировок И. Г. Гуровой. Это проявляется либо в *дословной* идентичности отдельных частей некоторых предложений в обоих переводах (например, «Элинора тоже горевала всем сердцем...», «...поддерживали друг в друге бурную печаль...» и др.), либо очень близкой лексике в ряде случаев.

Стилистический диссонанс в переводе А. Ю. Фроловой

Под стилистическим диссонансом в данном исследовании мы понимаем сочетание в одном и том же произведении лексем и словосочетаний с контрастной стилистической окраской. Многочисленные проявления стилистического диссонанса в данном тексте можно рассматривать с различных точек зрения. Приведем примеры некоторых из них:

1) стили, к которым принадлежит используемая лексика;

2) одновременная ориентация на исходный язык (ИЯ) и переводящий язык (ПЯ) (использование в одном и том же тексте лексем «сударыня» / «мадам», «барышни» / «юные леди» и др.);

3) тропы (в частности присутствие нецелесообразных дисфемизмов);

4) формы обращения (обращение персонажа к матери на «ты» в начале произведения и затем переход

на «Вы» с целью выдержать стиль этических норм дворянской жизни) и др.

В данной работе мы рассмотрим стилистический диссонанс с точки зрения стилей используемой лексики: разговорных лексем, просторечий, современной лексики (анахронизмов и анахроничных словосочетаний). Проявления стилистического диссонанса с других точек зрения мы рассмотрим позже.

Следует отметить, что стилистический диссонанс наблюдается как при сопоставлении ИЯ-ПЯ, так и на внутритекстовом (ПЯ) уровне. Наш интерес направлен как на «внешний» аспект стилистического диссонанса, так и на внутритекстовый. Перевод А. Ю. Фроловой может не доносить до русскоязычной аудитории стиль оригинального произведения в полной мере. Однако при этом мы допускаем, что строгое следование стилю оригинала могло не входить в задачи переводчика. Как мы указали выше, одной из возможных мотиваций А. Ю. Фроловой могло быть желание показать собственную интерпретацию и видение романа.

Классификация проявлений стилистического диссонанса с точки зрения стилей используемой лексики

Для перевода А. Ю. Фроловой характерно одновременное использование книжной (в том числе устаревшей, поэтической, высокой) лексики и разговорных лексем, просторечий, современной лексики, в том числе анахронизмов и анахроничных словосочетаний. Книжная лексика («тотчас», «кров», «кончина», «стоить» и т. д.) выполняет функцию сохранения и адекватной передачи атмосферы, характерной для хронотопа романа, повествующего о жизни дворянского сословия джентри в Англии конца XVIII – начала XIX вв. Поэтическая («греть», «лежать») и высокая («воистину», «утрата») лексика добавляет стилистические оттенки, свойственные сентиментализму – течению, характерному для литературы и искусства той эпохи.

Исходя из их роли в тексте, выявленные проявления стилистического диссонанса были разделены нами на категории согласно следующей классификации:

1) передача (или добавление) комических эффектов и иронии, характерной для авторского стиля Дж. Остин. Эту функцию выполняет сочетание книжных / устаревших лексем с современной, разговорной или просторечной лексикой;

2) адаптация текста под предпочтения современной аудитории: современная и разговорная лексика с относительно умеренной (неявной) степенью стилистического диссонанса;

3) недочёты при переводе и редактировании:

– очевидные анахронизмы и анахроничные словосочетания;

– искажение образов персонажей, вызванное использованием современной и разговорной лексики;

– нецелесообразное снижение стилистической окраски исходных авторских лексем (при создании классификации с точки зрения тропов мы будем идентифицировать аналогичный пункт как дисфемизмы).

Ниже с помощью конкретных примеров мы рассмотрим первые две категории данной классификации, к которым относится целесообразное использование переводчиком стилистического диссонанса. Третью категорию (недочёты при переводе и редактировании) мы рассмотрим в следующей статье. С целью доказать анахроничность отдельных лексем, их отдельных значений или словосочетаний мы будем пользоваться данными Национального корпуса русского языка (НКРЯ), выбрав для своего анализа совокупность художественных текстов, созданных с 1750 по 1850 гг. (объём выбранного нами подкорпуса составляет 802 документа, 586834 предложения, 7201041 слово), чтобы охватить эпоху жизни и творчества Дж. Остин (1775–1817) [4]. В корпусе к данному периоду относятся произведения классической литературы, близкие по хронотопу произведениям Дж. Остин и раскрывающие лексические особенности повествований той эпохи на русском языке. Наиболее выдающимися из них являются произведения великих русских классиков о дворянской жизни: А. С. Пушкина («Барышня-крестьянка», «Дубровский», «Метель» и др.), М. Ю. Лермонтова («Герой нашего времени»), Н. М. Карамзина («Бедная Лиза») и др. В подкорпус входят художественные произведения и на другие темы (не жизнь дворян), однако в них также отражены лексические особенности русского языка той эпохи, что способствует выявлению анахронизмов.

Передача (или добавление) комических эффектов и иронии

Стилистический контраст в переводе А. Ю. Фроловой становится инструментом для передачи (или добавления) комических эффектов и иронии в образах персонажей, в описании их действий или в прямой речи. В качестве примеров передачи нюансов юмора можно привести разговорную лексику в речи тех персонажей, чьи манеры отличаются скорее добротой, чем светским лоском: например, Джон Уиллоби «отличный парень» по мнению простодушного сэра Мидлтона (гл. 9). В качестве примеров добавления иронии можно привести использование книжной и высокой лексики при описании действий высокомерного персонажа, показывающей как много значения он придаёт своим поступкам и т. д.

В таблице 1 мы рассмотрим наиболее очевидные случаи проявлений стилистического диссонанса данной категории.

Пример 1.1. В гл. 19 переводчица попыталась показать спешку миссис Дженнингс в комическом ключе. В сочетании разговорной лексики «выложить» и анахронизма (0 вхождений по художественным текстам 1750–1850 гг. НКРЯ) «информация» предполагается приём стилизации с целью добавления комического эффекта в образ персонажа, о котором идёт речь – миссис Дженнингс, разговорчивой и жизнерадостной пожилой дамы, которая не любит светских церемоний. Разговорные лексемы допустимы для передачи личности и характера миссис Дженнингс.

Таблица 1. Передача (или добавление) комических эффектов и иронии
Table 1. Reflection (or adding) of comic effects and irony

№	Оригинал Дж. Остин	Перевод А. Ю. Фроловой
1.1	They were now joined by Mrs. Jennings, who had not patience enough to wait till the door was opened before she told her story. She came hallooing to the window...	Тут к ним подошла миссис Дженнингс, которой не хватило терпения дожидаться, когда ей откроют дверь. Ей не терпелось выложить всю имеющуюся у нее информацию, поэтому она заговорила, даже не подойдя к окну.
1.2	...Mrs. Jennings, who read it aloud with many comments of satisfaction and praise.	Та читала письмо медленно, вслух и сопровождала сей процесс множеством замечаний.
1.3	After a proper resistance on the part of Mrs. Ferrars, just so violent and so steady as to preserve her from that reproach which she always seemed fearful of incurring, the reproach of being too amiable, Edward was admitted to her presence, and pronounced to be again her son.	После надлежащего сопротивления миссис Феррарс, которое было достаточно долгим и упорным, чтобы никто не смог упрекнуть ее в мягкосердечии, чего она боялась больше всего на свете, она милостиво согласилась, чтобы Эдвард был допущен пред ее очи и снова объявлен сыном.

Пример 1.2. В гл. 38 миссис Дженнингс читает письмо от Люси Стил. В следующем абзаце романа Дж. Остин показывает доверчивость миссис Дженнингс в комическом ключе с помощью прямой речи. В ней пожилая дама искренне восхищается манерой изложения, в которой, по ее мнению, нашли свое отражение доброта и прочие достоинства (коварной по сюжету романа) Люси Стил. В переводе на русский язык А. Ю. Фролова решила добавить смысловой оттенок иронии не только в последующую прямую речь, но и в само описание момента чтения. Лексема «сей» принадлежит к устаревшей лексике и нередко используется также в ироничном значении. Нюанс иронии усиливается в результате сочетания данной устаревшей лексемы со стилистически нейтральной лексемой «процесс» («сей процесс» как нечто важное для миссис Дженнингс, хотя автор письма не заслуживал её доверия). На первый взгляд, может показаться, что лексема *процесс* анахронична в русском языке по отношению к хронотопу романа. Однако при поиске среди художественных текстов НКРЯ 1750–1850 гг. она встречается 85 раз в 46 документах.

Пример 1.3. Устаревшее выражение «пред ее очи» (гл. 50) выделяется среди относительно нейтральной стилистически лексике и используется переводчиком

в ироничном смысле, чтобы показать, как высокомерная миссис Феррарс вынуждает остальных считаться со своими решениями, придавая слишком много важности своим поступкам и репутации.

В числе других примеров можно отметить разговорные выражения, отражающие на русском языке нюансы юмора в прямой речи разгневанной миссис Дженнингс в гл. 30 «чтобы ему жена устроила веселую жизнь» (при передаче *his wife may plague his heart out*), «устрою ему такой разнос» (при передаче *I will give him such a dressing*) и др.

Адаптация текста под предпочтения современной аудитории

В качестве одного из наиболее очевидных примеров проявлений стилистического диссонанса данной категории можно выделить использование А. Ю. Фроловой наречного выражения «как минимум», которое в современном русском языке является стилистически нейтральным. Однако для повествований XVIII–XIX вв. его использование не характерно – по художественным текстам на русском языке 1750–1850 гг. в НКРЯ не было обнаружено ни одного вхождения этого наречного выражения (таблица 2).

Таблица 2. Адаптация текста под предпочтения современной аудитории
Table 2. Adaptation of the novel to the modern audience's preferences

№	Оригинал Дж. Остин	Перевод А. Ю. Фроловой
2.1	"Perhaps," said Marianne, "I may consider it with some surprise".	«Скажем так, – ответила Марианна, – он меня несколько удивляет».
2.2	"Edward is very amiable, and I love him tenderly. But yet – he is not the kind of young man – there is a something wanting..."	«Эдвард, безусловно, очень приятный молодой человек, но он совсем не принц».
2.3	A more reasonable cause might be found in the dependent situation which forbad the indulgence of his affection.	Скорее всего, истинная причина крылась в его зависимом состоянии, которое не давало ему распахнуть объятия любимой девушке.

Носителем русского языка интуитивно ощущаются и другие неявные (и поэтому в целом допустимые и целесообразные) анахронизмы в повествовании о жизни дворян конца XVIII–XIX вв.

Пример 2.1. В гл. 3 Марианна по просьбе матери делится с ней своими впечатлениями о привязанности Элинора к Эдварду. На наш взгляд, стилистически выражение «скажем так» скорее ближе к разговорной речи современной девушки, что подтверждается отсутствием выражения «скажем так» в художественных текстах НКРЯ 1750–1850 гг.

Пример 2.2. В этом же монологе Марианны можно отметить случай анахроничного использования не самой лексемы в целом, а отдельного её значения. В переводе мы видим отсылку к метафорическому образу принца как идеального возлюбленного. В качестве архетипа идеального избранника метафоры «принц», «прекрасный принц», «принц на белом коне» стали очень распространенными (и иногда ироничными) клише и даже штампами в современном русском языке. Анахроничность метафор «прекрасный принц» и «принц на белом коне» подтверждается их отсутствием в художественных текстах НКРЯ 1750–1850 гг., в то время как лексема «принц» присутствует лишь в своём первом значении (как титул, а не метафора идеального возлюбленного).

Пример 2.3. Использование выражения «распахнуть объятия» в сочетании с дополнением «любимой девушке» в значении начала романтических отношений является анахроничным для хронотопа романа. Анахроничность заключается в том, что переносное значение (начало отношений) воспринимается читателем неразрывно от буквального значения (физические объятия), что приводит к стилистическому диссонансу, так как не отражает достаточно строгие (с современной точки зрения) нравственные устои дворянского сословия джентри: постепенное знакомство, сдержанное поведение во время помолвки и т. д. В художественных текстах НКРЯ 1750–1850 гг. выражение «распахнуть объятия» в переносном значении встречается лишь 1 раз (как доброе отношение к людям в целом), что подтверждает анахроничность использованного А. Ю. Фроловой выражения. Однако выражение «распахнуть объятия любимой девушке» органично вписывается в картину мира современной (особенно молодежной) аудитории.

На протяжении всего романа в переводе А. Ю. Фроловой встречаются лексемы с иностранными корнями, использованные в анахроничных для хронотопа романа словосочетаниях, отсутствующих в художественных текстах НКРЯ 1750–1850 гг.: «формировать своё мнение», «сформировалось глубокое чувство», «душевных травм», «под напором ее аргументов», «бьющий через край энтузиазм», «экскурсия не могла состояться», «шокированная этим вопросом», «глобальное изменение погоды» и т. д. Вероятно, они были использованы переводчицей с целью адаптации текста под вкусы, предпочтения и картину мира современной российской аудитории. Отметим, что полностью устранить данные проявления (неявного и поэтому вполне допустимого) стилистического диссонанса можно было бы с помощью эквивалентов, имеющих русские корни: «составлять своё мнение», «возникло глубокое чувство», «душевных ран», «под натиском ее доводов», «небывалое воодушевление», «прогулка не могла состояться», «поражённая этим вопросом», «резкое изменение погоды» и др.

Выводы

В данной статье мы рассмотрели примеры целесообразного использования А. Ю. Фроловой стилистического диссонанса (сочетания различных стилей лексики) как переводческого приема при переводе романа Дж. Остин "Sense and Sensibility" на русский язык. Он служит для передачи или добавления нюансов юмора и иронии, а также для адаптации повествования под предпочтения и картину мира современной аудитории (см. соответственно 1-ю и 2-ю категории нашей классификации выше).

В следующей статье мы рассмотрим примеры нецелесообразного использования стилистического диссонанса в данном переводе романа – недочеты при переводе и редактировании (выше мы отнесли их к 3-й категории нашей классификации). К ним относятся очевидные анахронизмы и анахроничные словосочетания (характерные для ранних глав, где переводчица формировала свой стиль), искажение образов персонажей, нецелесообразное снижение стилистической окраски исходных авторских лексем.

Данный анализ является частью нашего (более широкого) исследования, посвящённого изучению лингвистических особенностей переводов романа "Sense and Sensibility" на русский и французский языки.

Литература

1. Mattos T. Définir et redéfinir la retraduction: d'Antoine Berman jusqu'à présent. Atelier de traduction. 2015. № 23. P. 41–51.
2. Азов А. К истории теории перевода в Советском Союзе. Проблема реалистического перевода // Логос. 2012. № 3. С. 131–152. Режим доступа: http://www.logosjournal.ru/arch/22/art_163.pdf (дата обращения: 20.02.2018).
3. Матвеева Е.О. Художественный перевод в России: История и современность // Молодежный научный форум: Гуманитарные науки: электронный сборник статей по материалам VI студенческой международной заочной научно-практической конференции. М., 2013. № 6. Режим доступа: [https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/6\(6\).pdf](https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/6(6).pdf) (дата обращения: 20.02.2018).
4. Национальный корпус русского языка (НКРЯ). Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 20.02.2018).
5. Austen J. Sense and Sensibility. Penguin Books, 2014. 381 p.

6. Остин Дж. Разум и чувство: роман / пер. с англ. А. Ю. Фроловой. М.: Центрполиграф, 2013. 445 с.
7. Berman A. La retraduction comme espace de la traduction. *Palimpsestes*. 1990. № 4. Режим доступа: <http://palimpsestes.revues.org/596> (дата обращения: 20.02.2018).
8. Gambier Y. La retraduction, ambiguïtés et défis // *Autour de la retraduction. Perspectives littéraires européennes, sous la direction d'Enrico Monti et Peter Schneyder*. Paris: Orizons, 2011. P. 49–66.
9. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. Режим доступа: <http://www.efremova.info/> (дата обращения: 20.02.2018).
10. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М: Астрель: АСТ, 2008. 828 с.
11. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992. 955 с.

THE ROLE OF STYLISTIC DISSONANCE IN THE RUSSIAN TRANSLATION OF J. AUSTEN'S NOVEL "SENSE AND SENSIBILITY" BY ALLA Y. FROLOVA. PART 1

Tatyana V. Bobyleva¹.¹.[@]

¹ Novosibirsk State University, 1, Pirogov St., Novosibirsk, Russia, 630090
[@] tanvbob2018@gmail.com

Received 14.03.2018. Accepted 03.05.2018.

Keywords: English, Jane Austen, Russian, Sense and Sensibility, stylistic dissonance, translation, vocabulary.

Abstract: Studying new translations of the classic literature is important due to the growing interest for the phenomenon of re-translation in modern linguistics. The purpose of the study is to analyze the relevance of stylistic dissonance phenomena in the Russian translation of "Sense and Sensibility", published in 2013 – «Разум и чувство» (pronounced as [razum i chuvstvo], which means "Reason and feeling"). The stylistic dissonance is regarded in the paper as the combination of different styles of vocabulary: literary words (poetic, obsolete, etc.), colloquialisms, anachronisms and anachronistic expressions. The following categories of the stylistic dissonance phenomena are revealed: 1) reflection (or creation) of comic effects and irony; 2) adaptation of the novel to the modern audience's language picture of the world, tastes and preferences; 3) imperfections of translation and editing. The 3rd category and its 3 subcategories will be examined in the next article. The analysis is a part of a larger research based on studying the full-text translations of J. Austen's novel *Sense and Sensibility* written by Russian and French authors.

For citation: Bobyleva T. V. Rol' stilisticheskogo dissonansa v perevode A. Iu. Frolovoi na russkii iazyk romana Dzh. Ostina "Sense and sensibility". Chast' 1 [The Role of Stylistic Dissonance in the Russian Translation of J. Austen's Novel "Sense and Sensibility" by Alla Y. Frolova. Part 1]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2018): 155–161. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-155-161>.

References

1. Mattos T. Définir et redéfinir la retraduction: d'Antoine Berman jusqu'à présent. *Atelier de traduction*, no. 23 (2015): 41–51.
2. Azov A. K istorii teorii perevoda v Sovetskom Soiuze. Problema realistskogo perevoda [From the history of the theory of translation in the USSR. The problem of realist translation]. *Logos = Logos*, no. 3 (2012): 131–152. Available at: http://www.logosjournal.ru/arch/22/art_163.pdf (accessed 20.02.2018).
3. Matveeva E. O. Khudozhestvennyi perevod v Rossii: Istoriia i sovremennost' [Literary translation in Russia: History and modern time]. *Molodezhnyi nauchnyi forum: Gumanitarnye nauki: elektronnyi sbornik statei po materialam VI studencheskoi mezhdunarodnoi zaochnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Bulletin of the international science forum for students "The Humanities"]. Moscow, no. 6 (2013). Available at: [https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/6\(6\).pdf](https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/6(6).pdf) (accessed 20.02.2018).
4. *Natsional'nyi korpus russkogo iazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru/> (accessed 20.02.2018).
5. Austen J. *Sense and Sensibility*. Penguin Books, 2014, 381.
6. Ostin Dzh. *Razum i chuvstvo* [Sense and Sensibility]. Transl. Frolova A. Iu. Moscow: Tsentrpoligraf, 2013, 445.
7. Berman A. La retraduction comme espace de la traduction. *Palimpsestes*, no. 4 (1990). Available at: <http://palimpsestes.revues.org/596> (accessed 20.02.2018).
8. Gambier Y. La retraduction, ambiguïtés et défis. *Autour de la retraduction. Perspectives littéraires européennes, sous la direction d'Enrico Monti et Peter Schneyder*. Paris: Orizons, 2011, 49–66.

9. Efremova T. F. *Novyi slovar' russkogo iazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi* [Explanatory Dictionary of Word Structure in the Russian Language]. Moscow: Russkii iazyk, 2000. Available at: <http://www.efremova.info/> (accessed 20.02.2018).

10. Fedorov A. I. *Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo iazyka* [Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language]. Moscow: Astrel': AST, 2008, 828.

11. Ozhegov S. I., Shvedova N. Iu. *Tolkovy slovar' russkogo iazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Az", 1992, 955.